

ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ

Проект братьев Стругацких

Владислав Выставной
ПРОРОК ЗОНЫ

Владислав Валерьевич Выставной
Пророк Зоны
Серия «Пикник на обочине»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6495380
Выставной, В. В. Пророк Зоны: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-080832-8

Аннотация

Когда-то Аким предсказал страшную катастрофу.

Пророчество сбылось. Родной город Акима оказался в центре Новосибирской Зоны, и мальчика чудом спасли из оплывающих руин.

Прошли годы, Аким вернулся. Теперь он стремится назад, в Зону.

Зачем? Что нужно слабому и неопытному на вид парнишке в Зоне, легко убивающей самых крутых профессионалов? Этот вопрос не дает покоя его проводнику, удачливому сталкеру по прозвищу Кот.

Сталкер быстро пожалеет о том, что связался с этим парнем: за ними начнется настоящая охота. Полиция, «черные» сталкеры, армейский спецназ, бандиты и служба безопасности Института готовы на все, лишь бы добраться до Акима.

Потому что Зона слышит его, и разговаривает с ним.

Он – Пророк Зоны.

А люди боятся живых Пророков...

Содержание

Пролог	4
Июнь 1972 г., за день до Посещения	4
За час до Посещения	5
Посещение	6
Спустя час после Посещения	7
Глава первая	10
Новосибирская Зона, июнь 2015 г	10
Новосибирский Академгородок, на следующий день	14
Искитим, Новосибирская область, год спустя	19
Новосибирская Зона, сутки спустя	24
Глава вторая	26
Новосибирская Зона, лето 2016 г	26
Глава третья	40
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Владислав Выставной

Пророк Зоны

Пролог

Июнь 1972 г., за день до Посещения

Гром за окном заглушил последнюю фразу.

– Что ты сказал?!

Голос учительницы дрогнул. Аким смотрел ей в глаза ясным, спокойным взглядом. Слова будто сами слетали с губ. От этого становилось страшно, но он не мог заставить себя замолчать.

– Вы завтра умрете, – тихо повторил он.

Класс замер. Все ждали неизбежной расправы над наглецом. Первая растерянность прошла, и теперь учительница нависла над маленькой фигуркой, как хищная птица над полевой мышью.

– Так-так... – проговорила она. – Не ожидала от тебя, Аким. Завтра в школу с родителями!

Аким вдруг задрожал, сжался. Глаза его расширились от ужаса.

– Они... Не смогут... – пролепетал он.

– Что еще такое?

– Они... тоже... – Последнее слово болезненным комом застряло в горле.

– Ну все, хватит! – В голосе женщины появилось раздражение. – Пугать будешь директора. Забирай вещи – и вон из класса!

Аким взял портфель и, опустив взгляд, пошел между партами. С обеих сторон злорадно ухмылялись одноклассники. Больно кольнуло в шею: кто-то плюнул жеваной бумагой из трубочки. Аким вжал голову в плечи.

У самых дверей он споткнулся о ловко подставленную ногу. Кубарем полетел на пол, рассыпая тетрадки из раскрывшегося портфеля. Класс взорвался смехом. Анна Федоровна, едва сдерживая улыбку, неодобрительно качала головой.

Дрожа от обиды, Аким поднялся. Оглядел исподлобья веселящихся одноклассников. И, сжав маленькие кулаки, закричал – высоко, едва перекрывая смех:

– Да вы же все, все умрете! Завтра! Никого из вас не останется! Никого!

За окном сверкнула молния. Класс продолжал смеяться.

За час до Посещения

– Он совершенно здоров, – сказал врач, мерно постукивая по столу авторучкой. – Более того, на удивление здоровый мальчик. С чем вас и поздравляю.

– Но вы же слышали, что он говорит! – Мать скосилась в сторону белой кушетки, на которой, уставившись в пол, неподвижно сидел Аким. – Напугал весь дом, с утра твердит одно и то же: «Конец света, все умрут!» У соседки сердечный приступ, я с утра на успокоительном!

– У детей очень развито воображение, – терпеливо пояснил врач. – Иногда они целиком погружаются в свой собственный воображаемый мир. Тем более, много новой информации, большая нагрузка в школе. Как-никак, первый класс.

– С ним все будет хорошо, доктор? – всхлипнула женщина.

– С кем, с кем, а с ним все будет хорошо, – улыбнулся врач.

Женщина робко улыбнулась в ответ, поднялась со стула. Взяла мальчишку за руку, открыла дверь. Уже выходя из кабинета, Аким остановился, резко взглянул на врача:

– Вы тоже умрете, доктор!

Мать ахнула и потащила сына прочь. Дверь закрылась. Некоторое время врач продолжал отбивать авторучкой мерный ритм. Выглянул в окно. Что-то странное творилось сегодня с небом. Небывалые какие-то облака. Или не облака вовсе? И этот гром, вызывающий молнии... Разве не должно быть наоборот?

Врач снял телефонную трубку, набрал на диске трехзначный номер.

– Алло, Николай Иванович? Это Бородин беспокоит. У нас еще один «предсказатель».

Посещение

(Материалы изъяты из свободного доступа)

Спустя час после Посещения

Тяжелый транспортный Ан-12 выбросил десант на предельно малой высоте. На фоне заката заложил вираж и, не меняя эшелона, с ревом ушел к горизонту. Он стремительно покидал квадрат, вжимаясь в землю, как барсук в траву. За ним, словно семена одуванчика, раскрывались купола парашютов.

Шевцов хмуро проводил самолет взглядом. Тридцать минут назад такой же транспортник разорвало в клочья, будто он наткнулся на невидимое препятствие на высоте километра. История повторяется. И снова – на те же грабли. Вместо того чтобы сперва разобраться, провести детальную разведку и анализ ситуации, пытаемся завалить врага трупами.

– Дьяченко, стоять! – сжав цевье автомата, крикнул Шевцов. – Куда ты лезешь?!

– Так я ребятам помочь! – отозвался сержант, кивнув в сторону снижающихся невдалеке белых куполов. – Связи-то нет!

– Без приказа – ни с места! – раздельно повторил лейтенант. – Без того уже ползвода осталось. Держать круговую оборону и не рыпаться!

– Есть...

Сержант нехотя остановился, перехватил автомат поудобнее и стал оглядывать верхние этажи зданий.

Он не понимает. Да и невозможно это понять. Ведь такого никогда еще не случилось на этой земле, а может, и нигде в мире. Тут силой да напором ничего сделаешь. Вон в соседнем квадрате целая рота сгинула. И никто не знает, что да как. Послали подкрепление – та же история. Одни матюки в эфире и никакой толковой информации. Нет, тут напролом никак нельзя.

Это надо чувствовать.

Шевцов еще раз оглядел пятиэтажки по обеим сторонам улицы. Обыкновенные «хрущевки», покинутые жителями при спешной эвакуации. Вон, и дверь распахнута – словно манит вовнутрь. Дом и впрямь хорошо бы осмотреть, позицию занять на крыше. Да только что-то внутри твердило: не смей приближаться к этим стенам!

Там смерть.

Еще были машины – грузовики, легковушки, рейсовый автобус. Почему-то их не задействовали при отходе. Шевцов вспомнил первую потерю взвода – рядового Малышева, которому он приказал осмотреть кабину брошенного автофургона. Никто не мог ожидать ничего подобного: бойца словно током шибануло, едва тот прикоснулся к дверной ручке. Тело, скрюченное в судороге, брызги крови из ушей – и все... Мгновенная смерть. Только сейчас подумалось, что ток здесь ни при чем: это не объясняло жуткие бельма на мертвых глазах погибшего.

Тогда-то и включился этот внутренний предохранитель. Который, однако, не смог остановить гибель еще пятерых бойцов. Просто невозможно было предугадать подобное, а после – поверить в происходящее. И непонятно, как все это описывать в рапорте. Конечно, если они вернутся живыми.

– Так, а теперь медленно вперед, вдоль осевой линии! – скомандовал Шевцов. – К машинам не приближаться!

Он знал, что его приказ звучит странно, даже нелепо. По всем правилам нужно, напротив, вжаться в стены, избегая открытого пространства. Но они уже видели это зловещее свечение в подвалах и помнили, что стало с весельчаком и балагуром Гришиным, решившим «взять образец» в армейскую фляжку. Не дай бог еще раз такое увидеть. Тело пришлось бросить – существовала опасность заражения. Ведь до сих пор никто не знал, что за дрянь обрушилась с небес на эти места. Одно ясно: подвальной жижей сюрпризы не исчерпывались.

Враг (если это был враг) был непонятен, его тактика – безумна, а оружие – убийственно. Взвод нес потери на ровном месте, и никто не мог сказать, отчего именно погибали товарищи. Неопределенность – худший враг, даже для бойцов десантно-штурмовой бригады. Штатное оружие здесь было бесполезно. Единственное, на что оставалось рассчитывать, – холодная голова и крепкие нервы.

На перекрестке снова остановились и заняли круговую оборону. Это шло вразрез с любимыми представлениями о тактике. Но для того, чтобы выжить, надо ломать представления, которые здесь не работают.

Лейтенант оглядел подчиненных – всех, что остались от взвода. Ничего, держатся ребята. Только недавно прибывший новобранец с РПГ в руках был бледен, как смерть. Он с изумлением пялился куда-то в переулок. Шевцов проследил его взгляд. На темном асфальте явственно читался силуэт грузовика. Это казалось невероятным, но тот словно расплющило гидравлическим прессом колоссальной мощи, попросту раскатало в фольгу. При этом асфальт оставался целехоньким. От таких вещей может поехать крыша. А потому не стоит заострять внимание на непонятном, нужна спасительная конкретика.

– Радист, что со связью? – сухо спросил лейтенант.

– Нет связи, – вслушиваясь в треск и завывания эфира, отозвался радист. – Не пойму, в чем дело...

– Глушат?

– Непонятно... Чертовщина какая-то...

– Давай продолжай активнее, нужна связь со штабом!

– Есть.

Связь необходима как воздух. Они продолжали продвигаться вперед, теряя людей и рискуя остаться здесь навсегда. Командование называло операцию «разведкой боем». Чушь. Какой еще бой, если нет противника?

За спиной, сопя в затылок, возник сержант:

– Товарищ лейтенант, а вы как думаете, кто это устроил? Опять китайцы?

– Сомневаюсь, что после Даманского они бы на такое решились, – отозвался Шевцов.

Он осматривал улицу, пытаясь понять, стоит ли двигаться по ней дальше или разумнее пойти в обход. Это походило на паранойю, но что-то было не так в этой чистой и светлой улице. Может, пойти переулком? Но что там за странная колючка вдоль стен? Опасная?

– Неужто американцы? – продолжал сержант. Это он от страха. Бодрится. Придумай ему вполне определенного противника – и боец ощутит под ногами почву, взгляд прояснится, и действия обретут осмысленность.

– Да нет... – Шевцов насупился, глянул искоса на сержанта. – Вряд ли американцы. Откуда у них такое... – Он замолчал.

– ...оружие, – подсказал сержант.

– Да я и не думаю, что это оружие, – отозвался Шевцов.

– Что же это, по-вашему? – удивился сержант.

Шевцов внимательно посмотрел на сержанта. Нет, на стукача не похож. Да, по правде говоря, плевать. Пусть доносит в политотдел, пускай там знают, что он про все это думает. За его слова уже заплачено – жизнью пятерых молодых, здоровых парней.

– А вон, – Шевцов кивнул на восток.

– Что там? – Сержант непонимающе глянул туда, куда указал командир.

– Академгородок, – лейтенант криво усмехнулся. – Умные ребята в очках и белых халатах. Синхрофазотроны, протоны-электроны. Счастье человеческое делают.

– И что?

– А ничего. Может, перебрали они со счастьем. Все, что человечеству полагалось, – сюда вlepили. Счастье, оно ведь тоже хорошо, когда в меру.

– Ну вы скажете тоже, товарищ лейтенант... – неуверенно хохотнул сержант.

Шевцов усмехнулся. Он и сам не особо верил в такие возможности науки. Во всяком случае, земной. Какое-то время он изучал карту, решая, как пробиваться к эпицентру. Командование считало, что там, в эпицентре, найдутся ответы на все вопросы. Шевцов уже наверняка знал, что это не так. Не будет никаких ответов. Только новые вопросы. И новые смерти. Но приказы не обсуждают, их выполняют.

А потом хлынул дождь из искрящихся металлических игл. И взвода не стало.

...Шевцов и сам не помнил, как оказался на том пепелище. Нет, «пепелище» – не совсем верное слово. Этот дом не сгорел – он словно оплавился, стек, будто был сделан из воска. На груде оплавленного камня, посреди опустевшего города, он увидел мальчишку.

Единственного уцелевшего в этом аду. Жутковатое было зрелище. Лейтенант даже усомнился на миг: действительно ли это мальчишка, а не какая-нибудь изощренная приманка? Он отогнал эту вредную мысль, заставил себя приблизиться. Тогда еще подумалось: может быть, взвод погиб не зря? Может, жизнь этого испуганного мальчика стоит принесенных жертв?

– Вот ты где! – скупно улыбнувшись, сказал лейтенант. – А я тебя всюду ищу!

– Я знал, что они погибнут, – не поднимая головы, тихо сказал мальчик. Он сидел, обхватив колени, и даже не смотрел на Шевцова.

– Идем со мной! – Лейтенант протянул руку.

– Я знаю, из-за чего все случилось, – послушно поднимаясь, сказал мальчик.

– Из-за чего же?

Мальчишка сжал кулаки, с усилием поднял взгляд. В его глазах не было слез, но была такая боль, отчего он вдруг показался значительно старше.

– Это я... – тихо проговорил мальчик. – Я во всем виноват!

Глава первая Дыхание Зоны

Новосибирская Зона, июнь 2015 г

Сердце пропустило удар.

Все-таки вляпался. Кто-то его подждал – там, за «колючкой». Вряд ли патруль: нет такой привычки у «касок» – засиживаться у периметра, рискуя схватить «дозу» какой-нибудь малоизученной дряни. Засады они устраивают в отдалении, с тем чтобы расстрелять брата-сталкера в условиях прямой видимости на контрольно-следовой полосе.

Нет, там было что-то другое. Живое. Крупное. Хитрое.

Кот нервно облизал пересохшие губы. Только бы не шатун. Встреча с медведем Зоны не сулит ничего хорошего. Если не убьет даже, то один его взгляд принесет беду. Дурной у него глаз. Так говорят. Мало кому удавалось уцелеть после такой встречи. Они, шатуны, вроде даже разумны. Что-то сделала с ними Зона-матушка. Говорят, силой наделила, чтоб стерегли ее темные богатства. Шатунов уважать надо и бояться. А что? Он и боялся. Только как его обойти, если тот уже выбрал его. Для жратвы или для сглаза – одной Зоне ведомо.

С онемевших губ сама собой сорвалась тихая скороговорка заговора:

– Стоит тайга, в лесу – тропа, на ней шатун стоит, на меня глядит. Как воде с огнем рядом не бывать, так шатуну со мной рядом не стоять, тела моего не мять, плоти моей не рвать, мяса моего не жрать. В Зоне много дорог, а моя – одна, и та без шатуна. Аминь...

Без заговоров, без молитвы в Зоне никак. Спасибо Шаману – научил уму-разуму. Иногда только заговорное слово может вытащить из безнадежной ситуации. Это Кот знал твердо, как и то, что никогда никому не признается в своей слабости.

Ладонью стер грязь с потного лица, медленно подтянул дробовик. Положил ладонь на холодный приклад, снял с предохранителя. Меньше всего хотелось стрельбы. Но жить захочешь – кому угодно зубами глотку рвать начнешь. Беда в том, что этот участок не обойти – овраг. Раньше казалось, что здесь – самый безопасный выход. Зона плевать хотела на твое мнение.

А может, там нет никого? Показалось? После суток, проведенных здесь, и не такое покажется. Зона есть Зона. Пусть говорят, что она уже не та, что хабара в ней не осталось, да и найденный ранее хабар давно потерял свои свойства. Все верно. Но ведь что-то стерегут здесь жуткие твари, порожденные Посещением. Круглые сутки работает в Академгородке филиал Международного института. И с упорством маньяков продолжают лезть сюда сталкеры, все еще надеясь разыскать нечто, неизвестное науке. Чтобы поймать за хвост птицу удачи, раз и навсегда изменив свою жизнь.

Есть тут кое-что еще, за чем стоит лезть, рискуя собственной жизнью. Не каждый получает это, да и не для каждого оно на пользу. Может быть, даже для него это не во благо. А если уж совсем честно – то совершенно во вред.

Фарт. Необъяснимая «пруха» в карты. В течение суток после встречи с Зоной он становился практически непобедим. В прокуренном покерном притоне Парфюмера он мог с легкостью снять любой банк – и дело тут совсем не в гениальных игровых способностях. Вряд ли кто-то догадывался о реальных причинах такой «прухи». Разве что сам Парфюмер. Но если тот и знал, то помалкивал. Тем более что через несколько дней фарт стабильно оборачивался своей противоположностью – и Кот спускал все выигранное, еще больше залезая в долги. Он даже пробовал лечиться от игровой зависимости. Но было одно обстоятельство.

Он снова шел в Зону и снова возвращался. С пустыми руками и сутками этого сумасшедшего фарта...

Глянул на дозиметр. Поцокал по стеклу пальцем. Может, врет, собака? Где он мог хватануть такую дозу? Не стоило соваться в эпицентр и уж тем более ходить к Старой школе. Наслушался баек бывалых сталкеров, уши развесил. Нет там никакой радиации и отродясь не было. И без радиации всякого дерьма хватает. Потому очень не хочется подышать на периметре, с пустым рюкзаком за плечами.

Что-то заставило замереть, тревожно вслушиваясь в тишину. Звук. Тихий, наползающий. Будто что-то кралось по пятам.

Кот оглянулся. Там, позади, тоже почудилось движение. На этот раз – чего-то большого, неосязаемого. Склонились, затрепыхав, как под ветром, жухлые травинки у лица.

Только ветра никакого не было.

В мгновение тело покрылось холодной испариной. Наверное, нужно было переждать, пока это нечто перекатится через овраг. Перебороть себя, вжавшись лицом в траву. Он ведь слышал рассказы старых сталкеров, знает, как это здесь бывает. Но страх сильнее логики.

Быстро, по-пластунски, он пополз вперед. Вот замаскированный лаз в проволоке. Еще немного – и Зона останется за спиной.

Вскочил на ноги и принялся отряхиваться, словно желая выбить из себя этот позорный страх. Только через несколько секунд понял: он совсем забыл о том, что ждало его в кустах за «колючкой».

И тут же почувствовал на себе тяжелый, неподвижный взгляд.

– О, черт... – беззвучно произнес Кот. Смотреть в ту сторону было страшно до икоты, до потери сознания. И потому он развернулся резко, глядя уже поверх прицельной планки дробовика.

Не помог заговор. Зверь был огромный. И это был не совсем медведь. Кот даже не представлял себе, что в реальности шатун настолько страшен.

Шатун смотрел на него неотрывно, не шевелясь. Так не может ни одно нормальное дикое животное. Блестящие черные глаза гипнотизировали, лишая воли, делая ватными руки и ноги. Еще немного – и указательный палец будет не в силах вдавить спусковой крючок.

– Отпусти меня, – чуть заикаясь, прохрипел Кот. – Я не причиню вреда!

Дело дрянь: раз заикаться начал, жди припадка. Это с ним с детства такое. Никогда не знаешь, чем все обернется – приступом ужаса или злобы. Что лучше сейчас – одной Зоне известно.

Шатун продолжал неподвижно глядеть на него. И вдруг стал медленно приближаться. Это невозможно описать словами. Казалось, зверь не двигался, не шевелил лапами, мордой. Так увеличивается изображение в фотокамере при работе функции «зума». Видимо, что-то неладное творилось с головой...

– Стой! – заорал Кот. – Н-назад!..

Бахнул один выстрел, второй. Разряженные стволы дымились, Кот сжался в ожидании неизбежного. Сейчас хрустнут кости, треснет разорванная плоть, нахлынет боль и безумие предсмертной агонии...

И тут «отпустило». В голове прояснилось, жуткое наваждение ушло. Голова зверя замерла в полуметре от лица, обдав смрадом последнего вдоха, и рухнула прямо к ногам человека.

Умирающий зверь не издал ни звука.

Кот быстро переломил ружье, выбрасывая дымящиеся гильзы, дрожащими пальцами вогнал новую пару патронов. Они не понадобились.

Радость спасения быстро прошла. Кот хмуро стоял над тушей. Хотелось плакать от досады и тревожных предчувствий. Будто он сам вынес себе приговор. Любой сталкер ска-

жет: поспорился с шатуном – путь в Зону тебе заказан. Навсегда. А значит, прощай хабар, прощай сам смысл жизни. Кот привстал на одно колено, осторожно коснулся головы зверя. Память выдала услышанные некогда слова, которые он и не думал произнести в реальности. Запустил пальцы в жесткую шерсть, забормотал скороговоркой жутковатые слова заговора на убитого зверя:

– За черёмухой лазил-де, свалившись, умер. Ягоду ел-де, с утёса свалившись, умер. Смороду ел-де, в болоте утонул, умер. В подарок пулю взял-де, скажи...

И добавил уже нормальным человеческим, полным тоски голосом:

– Прости меня. Я не хотел...

Кончики пальцев закололо, как будто ток пробежал. Отдернул руку. Стало немного легче. Хотелось верить, что зверь простил его. Но простила ли Зона?

Быстро встал и пошел прочь. Дорога отсюда ему хорошо известна. До темноты нужно было добраться до города. Но уже через несколько шагов Кот остановился как вкопанный. Его осенило.

Откуда шатун взялся здесь – за пределами Зоны?

Тут же ушла накотившая было расслабленность. Что-то было не так. Кот сбавил шаг, в движениях появилась осторожность. Через десяток шагов пришлось убедиться, что подозрения не напрасны. За бугром, между сосен он наткнулся на патрульный джип. Обыкновенная полицейская машина с прожектором и пулеметом на крыше. Целехонькая, чистенькая, будто только что из мойки.

С парой скелетов внутри. Каски нелепо сверкали на черепках с остатками плоти, на костях болтались обуглившиеся лохмотья формы. Кости пальцев водителя застыли на руле.

– Что за... – Слова застряли в глотке.

Вчера здесь такого не было. Даже если это убийство, трупы не успели бы истлеть за сутки. Да и не похоже это на тление. Это что-то другое. Ответ был очевиден, но не хотелось в это верить. Кот осторожно обошел машину. Возможно, то, что убило полицейских, ушло. Но оно вполне могло притаиться рядом в ожидании беспечных мародеров...

Какое-то время Кот продолжал бездумно идти по тропе. И только споткнувшись о какую-то железку, избавился от сомнений.

Это была не просто «железка». Из серой земли торчала половинка плоского, медного на вид диска. Еще не веря своим глазам, Кот потянул его на себя. Диск не поддавался. Вытащив нож, Кот принялся яростно долбить грунт, пока полностью не освободил находку. Ухватился за диск, попытался поднять.

Бесполезно. Провел под диском лезвием ножа. Диск висел над поверхностью, удерживаемый необъяснимой силой, но в руки не давался. Яростно расшвыривая землю, Кот выгреб земли еще на четверть метра в глубину, пока в яме не показался точно такой же диск – близнец первого. Ухватившись за верхний, Кот вытащил на поверхность эту невероятную штуковину. Принялся вертеть, жадно разглядывая.

Два диска – и пустота между ними. «Пустышка». Он ее сразу узнал, хотя держал впервые в жизни. Это была его первая добыча, настоящий сталкерский хабар! Он все-таки сделал это.

Волна счастья ударила в голову. Поставив «пустышку» на землю, он исполнил вокруг нее дикий победный танец. Ломано двигаясь, по-дикарски размахивая дробовиком, расхохотался. Его раздирало неистовое веселье, оно вытесняло усталость и страх. Теперь они заткнутся! Все, кто воротил нос и издевался над его занятием. Конец смешкам и подначкам. Каждому по морде – этой самой «пустышкой»!

Приступ счастья прошел быстро. Он сменился смутным ощущением тревоги. Что-то было не так. И ответ пришел, мгновенно отрезвляя и прогоняя нечаянную радость.

Он не мог найти «пустышку» вне Зоны. Как не мог встретить шатуна или загадочно погибших патрульных. Все это означало одно.

Зона вышла за пределы отведенных ей границ.

Она стала больше.

Новосибирский Академгородок, на следующий день

Кто его знает, как этот парень оказался в Институте. По всем правилам, еще на входе его должна была скрутить охрана. Она просто не могла не скрутить его, на всякий случай накидав по почкам. Но он спокойно шел себе по длинному светлому коридору, беззаботно шлепая босыми ногами. Тощий, нескладный, в длинном больничном халате на голое тело. Возможно, странного гостя прошляпили из-за неразберихи, воцарившейся, едва Зона полезла за установленный периметр. Да и что говорить, институтская служба безопасности больше занята шпиономанией и внутренними проверками. Ее хлебом не корми – дай померяться компетенцией с другими силовыми структурами – пока по режимному объекту бродят все кто ни попадя.

Наверное, Кот встретил его первым. Он шел из лаборатории, погруженный в собственные мысли. Все не давала покоя найденная «пустышка»: терзали сомнения, хорошо ли она припрятана, да как ее толкнуть подороже, не получив при том срок или, того хуже, перо под ребра. И тут из-за угла появилось это привидение. Кот обалдел даже и едва не выронил ящик с реактивами – настолько неожиданное и нелепое было зрелище. Окликнул:

– Эй, малый! Ищешь кого?

Парень остановился, посмотрел на него. Поморщился, будто вспоминал что-то. Лицо его было необычайно худое, бледное, черные круги под глазами – ни дать ни взять наркот. Парень почесал руку на сгибе, и стали заметны синюшные следы от игл. Точно, наркот. Это многое объясняет. Есть у наркоманов такая не изученная наукой способность – под кайфом попадать в такие места, куда в нормальном состоянии никак не проникнешь.

– Доктора Марченко ищу, – незнакомец неуверенно огляделся. – Он здесь работает.

Кот задумался, пожал плечами.

– Не знаю такого. – Он с подозрением посмотрел на парня, на его посиневшие от холода ноги. – А ты, вообще, представляешь, где находишься?

– Новосибирский филиал Международного института взезных культур, – без запинки ответил незнакомец.

– Да, верно, – с некоторым разочарованием отозвался Кот. – Но я уже год здесь работаю, про такого не слышал.

– Тогда я бы хотел увидеть Степанова. Из лаборатории биофизики.

– Слушай, парень, я сам только что из лаборатории биофизики. Нет у нас никакого Степанова. И никогда не было.

Парень растерянно огляделся. Уставился на информационный монитор под потолком. На его лице появилось недоумение. Он нахмурился. И неожиданно спросил:

– А какой сейчас год?

Кот нервно хохотнул. Час от часу не легче. Нет, не наркоман. Псих какой-то.

– Ну пятнадцатый, – сказал он. Сам скосился на камеру слежения. Куда эти вояки смотрят, дармоеды в касках? Пока они чешутся, всякие психи, чего доброго, Институт подожгут.

– Две тысячи пятнадцатый? – дрогнувшим голосом переспросил парень.

– Ну а какой еще? – раздраженно отозвался Кот. Он заметил, наконец, приближавшихся сотрудников службы безопасности. – Вот, по твою душу идут. Можешь у них поспрашивать. Но боюсь, вопросы будут задавать они сами.

Незнакомец не успел ничего ответить. Рослые охранники в ооновской форме аккуратно, но крепко ухватили его под руки. Парень не сопротивлялся. Поплелся за этими амбалами, как баран на бойню. Кот ощутил угрызения совести. Наверное, оттого, что терпеть не мог этих бугаев в форме. Они ведь враги по определению. Шакалы. Только здесь, в Институте, приходится любезно им улыбаться, изображая лояльность, и те в ответ скалятся. А там,

на периметре, пристрелят, не моргнув глазом. Знали бы они, чем занимается этот лаборант в свободное от работы время!

– Как звать-то тебя? – крикнул Кот вслед уводимому незнакомцу.

– Аким, – пытаюсь обернуться, отозвался парень. – А вас?

Этот вопрос почему-то вызвал у охранников приступ веселья.

– Меня – Кот. Погоняло такое.

– Кот? А почему? – уже издали крикнул задержанный.

– В другой раз расскажу, – усмехнулся Кот.

И потащил свои реактивы дальше. О странном парне он тут же забыл. Все мысли были заняты Зоной. В крови бурлил адреналин в предчувствии чего-то большого, важного. Только в отличие от вояк, озабоченных тем, чтобы побыстрее обтянуть вновь пораженные территории колючей проволокой, сталкер думал о перспективах, которые сулил всплеск аномальной активности.

Ведь все знают, что принесло с собой Посещение. Помимо шока от столкновения с внеземным, чуждым и враждебным, Посещение оставило россыпи уникальных предметов, что обрели в нашем мире вполне материальную ценность. Перепуганное человечество породило Зону, перекрыв доступ в места Посещения, а Зона породила сталкеров, норотивших утащить в большой мир побольше странных предметов, за которые кое-кто готов был выложить приличные бабки. Все помнят, к примеру, «батарейки», которые обещали решить энергетические проблемы Земли раз и навсегда. Тогда казалось, что эти штуковины помогут человечеству совершить научный и технологический прорыв, осыпать род людской всевозможными благами, что вот-вот грядет всеобщее благоденствие.

Ага, как же. Вместо благоденствия пришло жестокое разочарование. Мало кто помнит Кризис, когда в один прекрасный день все «объекты» из Зоны, как по команде, утратили свои свойства, превратившись в бесполезный хлам. И никто не знает – почему. Поговаривают, мол, какой-то шустрый сталкер из Хармонта добрался-таки до Золотого шара и потребовал от него такого, отчего тамошняя Зона обалдела и послала обнаглевшее человечество куда подальше. Хотя, скорее всего, это не более чем байка, гуляющая по всем филиалам. Пожалуй, сами ученые ее и выдумали, не желая признавать собственное бессилие и неспособность объяснить происходящее. А тем временем все шесть разбросанных по планете Зон Посещения из источников чудесных находок превратились в обыкновенные помойки, по-прежнему смертельно опасные, но уже практически бесполезные для брата-сталкера. Да и найденные ранее артефакты постепенно растеряли свои свойства – «этаки» разряжались в ноль, «зуды» переставали зудеть, «пустышки» – слиплись. Так что, если и удастся отыскать такую штуковину, радости от нее мало. Никому не нужны сломанные игрушки. Даже этим ученым маньякам. Но тридцать лет уже сталкеры продолжают лазить по этой клоаке, гибнут, рожают неполноценных детей, и все – за бесполезный мусор, который то и дело принимают за находку века. Занятие сталкера из опасного, но выгодного, даже элитарного, превратилось в нечто чудачковатое и постыдное. Вроде собирания коллекций окаменевшего дерьма. Несмотря на это, в Зону продолжали ходить, да появлялись новые поколения сталкеров, никогда не державших в руках настоящего хабара. Единственным достойным занятием для сталкера стало подьедаться на мелких должностях в Институте. Благо всегда при Зоне, да и платят сносно, из международных фондов. Филиалы Института продолжали упорно работать, обрабатывая бесконечное количество накопленной информации. Ученые все еще ждали чего-то. И надо же – дождались. Полноценная рабочая «пустышка» – да еще и за пределами периметра. Полезла-таки Зона-матушка из собственных границ, как тесто из кадки.

Размышляя, Кот развалился в крутящемся кресле с ногами на подоконнике. Окно имело толстые просвинцованные стекла, но растения на подоконнике упорно подышали одно за другим.